
**ТЕМА НОМЕРА —
«ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ:
ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО»**

DOI: 10.17805/ggz.2018.1.1

Молодеющее общество: эскиз тезаурусной концепции

В. А. Луков

Московский гуманитарный университет

Современное общество концептуализируется главным образом вокруг проблем экономики и политики (в аспекте геополитики). Многими видными исследователями подчеркивается возрастающая роль социокультурных факторов в современном обществе, но это не нашло отражения в моделях современного общества. Концепция молодеющего общества на первое место ставит фактор субъектности людей, формирующих это общество, а значит, культурная составляющая становится не только важной, но и главной в обществе, которое названо молодеющим.

Ключевые слова: современное общество; молодеющее общество; тезаурусный подход; субъектность

Rejuvenating Society: A Sketch of the Thesaurus Concept

V. A. Lukov

Moscow University for the Humanities

Contemporary society conceptualizes itself mainly around the problems of economics and politics (in the aspect of geopolitics). Many prominent researchers emphasize the increasing role of socio-cultural factors in present-day society, but this is not reflected in models of modern society. The concept of rejuvenating society gives priority to the factor of the subjectivity of people who form this society. This means that the cultural component becomes not only important, but also the main one in the society that is called rejuvenating.

Keywords: modern society; rejuvenating society; thesaurus approach; subjectivity

ВВЕДЕНИЕ

Представления об обществе за относительно небольшое время (около полутора столетий) существенно менялось, и концептуальное понимание его сегодня не учитывает, что постиндустриальное общество, информационное общество, сетевое общество и т. д. в своих определениях исходят из того, что население и общество практически одно и то же, хотя еще в середине XIX в. общество и население, а точнее народ, виделись как разные сущности во многих случаях. Более всего это проявлено Л. Н. Толстым в ответе Е. Л. Маркову на его статью «Теория и практика яснополянской школы», опубликованную в № 5 «Русского вестника» за 1862 г. Толстого страстно поддержали одни и подвергли уничтожающей критике другие за отношение к прогрессу. Но нельзя не видеть, что Толстой высказывает не только свой личный подход к теме, но и концептуальное понимание коренной разницы взгляда на историю западноевропейских и русских мыслителей, во всяком случае, многих из них. Это касается и трактовки общества. Для Толстого идея прогресса в истории английской цивилизации Г. Бокля совершенно неприемлема, хотя Боклем увлекалось в то время не только английское, но и русское общество. Обратим внимание, что историографическая концепция Бокля, в продолжение социологии О. Конта, исходит из того, что сумма событий определяется суммой знаний (Бокль, 2000). Со степенью интеллектуального развития общества Бокль связывал исторические законы социального прогресса; на высших уровнях развития социальности, по Боклю, умственные факторы приобретают перевес над физическими (Луков, 2001: 79). Толстой отвергает показатели прогресса, выведенные Боклем для истории цивилизации в Англии и в основном продолжающие географическую школу Ш. Монтескье, поскольку основная часть людей не только не видят в них прогресса, но не усматривают в них ни большей для себя свободы, ни большего благосостояния подобно тому, как восторг перед заработной платой Т. Маколея (того самого члена Верховного Совета при вице-короле Индии, кто считал несомненным прогрессом для этой английской колонии повсеместное введение в образование английского как обязательного языка обучения) дает Толстому основание видеть в ней вовсе не свидетельство прогресса, а ущемление благосостояния основной массы трудового люда.

Л. Н. Толстой определенно в этой работе различает общество и народ (Толстой, 1964: 65), показывая, что понимание благосостояния у них совершенно разное: «Интересы общества и народа всегда бывают противоположны» (там же: 64). Для понимания концепций общества XIX в. это очень важно (вплоть до введения обязательного обучения детей в начальной школе),

хотя на это обстоятельство практически не обращается внимание в социальной философии и теоретической социологии, поскольку к стремлению первых социологов (О. Конта и др.) усматривать в прогрессе в обществе социальный закон оно не имеет прямого отношения (Г. Спенсер, кстати, считал, что прогресс так же част в обществе, как и регресс). В представлении Толстого общество — совокупность людей, получивших определенное образование и блага жизни в силу большего богатства (он пользуется выражением Т. Бокля — «классы незанятые» — там же). Народ, составляющий 9/10 населения, видит богатство совсем в ином, понимает благосостояние иначе и не нуждается в благах цивилизации (книгопечатанье, пар, электричество). Иногда Толстой всех называет обществом, но его деление на несоизмеримые части он сохраняет. Толстой пишет: «Настоящий народ, т. е. народ, прямо, непосредственно работающий и живущий плодотворно, народ преимущественно земледелец, 9/10 всего народа, без которых бы немислим был никакой прогресс, всегда враждебно относится к ним (железным дорогам. — *В. Л.*). И так, верующие в прогресс, малая часть общества, говорят, что железные дороги есть увеличение благосостояния народа, бóльшая часть общества говорит, что это есть уменьшение его» (там же: 72).

Толстой не мыслил общественное разделение в духе марксизма, а именно так, что общества (общественно-экономические формации, а не абстрактное общество) различаются прежде всего способом производства, и пока не исчерпаны его ресурсы, нет оснований для революционной смены общественного устройства. Но он тем не менее оказался дальновидным в понимании различия интересов по отношению к прогрессизму современного ему «общества», т. е. тех, кто составляет «правительство, образованное дворянство, образованное купечество и чиновничество», с одной стороны, и «народа» — и в их числе «мастеровые, фабричные, крестьяне-земледельцы и промышленники, люди, занятые прямой физической работой», с другой. Учтем в этом ракурсе закономерность, выведенную Л. Н. Толстым: «Нет более прогрессистов, как откупщики, писатели, дворяне, студенты, без мест чиновники и фабричные. Нет менее прогрессистов — мужика-земледельца, чиновника-писца на месте, фабричного, имеющего работу» (там же: 64). В этих наблюдениях можно, подобно А. В. Луначарскому, видеть наивность, но можно учесть их при определении современного общества, не поддаваясь авторитету произносящих слова о постиндустриальном, информационном, сетевом, индивидуальном, цифровом, стареющем обществе, «обществе знания», «обществе риска» Д. Белла, Э. Тоффлера, П. Друкера, М. Кастельса, З. Баумана, Э. Россета, Ф. Фукуямы и др.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Что такое «постиндустриальное общество» как аналог современного общества? Считается, что термин ввел Дэниел Белл в книге 1973 г. «Грядущее постиндустриальное общество» (Bell, 1973; Белл, 1999). Другие утверждают, что термин ввел Ален Турен, опубликовавший в 1969 г. свою первую крупную работу по постиндустриальному обществу (Touraine, 1969), переведенную на английский язык в 1971 г. (Touraine, 1971). Есть сведения, что Д. Белл на 10 лет раньше сформулировал концепцию постиндустриального общества на семинаре, который проходил в Зальцбурге (Австрия), где он руководил «Комиссией 2000 года», в 1959 г. (Mattelart M., Mattelart A., 1991: 74). Есть и другие претенденты на термин. Но существенно тут не первенство, а вкладываемый смысл.

Важнее то, что Турен и Белл стояли в отношении постиндустриального общества на противоположных позициях. Общее понимание постиндустриального общества исходит из того же, что и все другие «пост-» определения (в аспекте характеристики современного общества назовем также «постаграрное», «постэкономическое» «посткапиталистическое», «постсоциальное» и т. д. общества) и предполагает существование чего-то значимого до него, от чего и отталкивается в выявлении характерных черт. Постиндустриальное общество — такое, которое наступает после индустриального общества (относимое к промышленно развитым странам) и в отличие от него характеризуется тем, что в экономике сектор услуг создает больше богатства, чем производственный сектор. Но Белл считает это фактором положительным для развития капитализма, а Турен отрицательным.

По мнению Белла, основной принцип постиндустриального общества — верховенство теоретических знаний по отношению к эмпирии, что и определяет базу политики. Из этого следует, что постиндустриальное общество, непрерывно повышая доход на душу населения и этим искореняя нищету, удовлетворит все материальные потребности человечества и позволит ему полностью посвятить себя развитию знаний. Белл, прокламируя «конец идеологии», тем не менее не ставит под сомнение основы экономического либерализма.

Совсем иначе считает Турен. По его мнению, постиндустриальное общество, во-первых, нарушает баланс между городом и деревней, поскольку повышение роли сектора услуг в экономике не может не вести к повышению урбанизации, которая и так идет как следствие индустриализации много десятилетий и порождает серьезные проблемы в обществе, но в новых условиях становится еще более интенсивным и необратимым процессом. Во-

вторых, за всем этим следует перерождение демократии, поскольку знаниями и информацией владеют новые элиты, а эксперты (собранные в частных и общественных исследовательских центрах ученые, инженеры, статистики и прочие технические специалисты, государственные и частные администраторы), составляющие меньшинство специалистов, оказывают на политику решающее влияние, причем, будучи источником социального контроля, их влияние не является предметом демократических дебатов. Так что относимая к достоинствам постиндустриального общества Дж. К. Гэлбрейтом, Ж. Эллюлем и др. технократия вовсе не автономна и не заменяет необходимость принимать для общества управленческие решения. Наконец, в третьих, меняется и этическое чувство человека в постиндустриальном обществе. Новые элиты способствуют развитию узкого количественного и управленческого мировоззрения, в рамках которого люди принимают за приемлемое для себя правило гедонизм. Стремление к материальному комфорту в этом типе общества играет ведущую роль при обмене ценностями.

Заметим, что от идеи постиндустриального общества следуют такие социологические теории, как постфордизм, информационное общество, экономика знаний, постиндустриальная экономика, ликвидная современность, сетевое общество. Более того, надо бы поставить понимание постиндустриального общества в контекст теорий общества, получивших распространение в Европе и Америке в 1940–1990 годах и поздних обобщающих идей (начало 2000-х годов), тогда и эта теория окажется более понятной и в своих истоках, и в своем влиянии на другие. Отметим эту связь, пользуясь французской версией Википедии (*Société ...*, Электронный ресурс) и учитывая, что годы создания соответствующего термина поставлены по изданиям на французском языке, например, книга М. Кастельса о сетевом обществе вышла на английском языке в 1996 г. (Castells, 1996), а на французском — в 1998 г. (Castells, 1998), но в этом и других случаях нас интересует вовсе не хронология. Итак, некоторые термины, обозначающие современное общество, во французской версии таковы:

- информационное общество: Норберт Винер (1948);
- техническое общество: Жак Эллюль (1952);
- направленное потребительское промышленное общество: Анри Лефевр (1950-е годы);
- стадии экономического роста: Уолт Уитмен Ростоу (1960);
- экономика знания: Фриц Махлуп (1962);
- общество знаний: Питер Друкер (1969);
- общество потребления: Жан Бодрийяр (1970);

- супериндустриальное общество или общество третьей волны: Элвин Тоффлер (1970);
- технотронная эра: Збигнев Бжезинский (1971);
- бюрократическое общество («либеральные олигархии»): Корнелиус Касториadis (1973);
- технократическая система: Жак Эллюль (1977);
- поздний капитализм: Йозеф Шумпейтер, Фредрик Джеймисон (1984);
- сетевое общество: Мануэль Кастелльс (1998);
- когнитивный капитализм: Ян Мулье-Бутан (2003).

Есть и другие классификации, но при этом все они исходят из того, что капитализм трансформируется в глубину, потому что техника развивается независимо от политической сферы. Как бы эти общества ни назывались, они сохраняют, с одной стороны, оптимистическую ориентацию Д. Белла и, с другой, настороженную, а иногда и критическую оценку А. Турена.

Это, в частности, относится и к такой обобщенной характеристике современного общества как *информационное общество*, признанной не только в среде обществоведов, но и определившей концепции ряда государств (Концепция ... , 1999; Стратегия ... , 2010).

Хотя в предыдущей классификации рождение термина связывается с именем известного специалиста по информатике Норберта Винера, а значит, относится к 1940-м годам, первые развернутые характеристики того, что сегодня повсеместно называют информационным обществом, появились в 1960-е годы в работах японских авторов: в книге 1969 г. Ю. Хаяши и книге 1968 г. Ё. Масуда и К. Кохама (Karvalics, 2008: 30). Позже, в начале 1980-х годов, работы этих авторов появились на английском языке и вошли с их терминологией в мировую науку (Masuda, 1981; Umesao, 2003).

По трактовке Р. Пинтера, имеют место три дискурса относительно информационного общества. Первый, отмеченный Пинтером слоганом «Интернет приходит от дьявола» (“The Internet comes from the devil”), вращается вокруг обычных страхов и верований, связывающих Интернет с изобилием и доступностью порнографии, разжиганием ненависти и даже помощью в изготовлении бомб. Здесь царит уверенность, что пользователи Интернета станут наркоманами, одинокими и не способными к общению и мыслительной деятельности людьми. Второй дискурс связан со спором, который идет между «преданными энтузиастами футурологии» и «более приземленными людьми». В частности, отмечены получившие распространение в 1970–1980-е годы в США и в ряде западноевропейских стран обсуждения буду-

щей повседневной жизни и доминирующих тенденций общественного развития (Э. Тоффлер, Дж. Нейсбитт) и критика этих позиций как смеси футурологии, журналистских сенсаций и досужих домыслов (Т. Роззак). Третий дискурс повторяет ожесточенные споры технологических фанатов и технофобов. Пинтер характеризует эти споры как противостояние «афинян» и «оруэллистов» (Orwellians — от имени английского писателя Дж. Оруэлла, получившего всемирную известность романом-антиутопией «1984»), т. е. технологических фанатов, с одной стороны, и технофобов, с другой (Pintér, 2008).

Первой серьезной попыткой проанализировать и классифицировать концепции информационного общества стала книга Фрэнка Уэбстера «Теории информационного общества» (Webster, 1995), переведенная на русский язык в 2004 г. (Уэбстер, 2004). Автор, рассматривая интерпретации разными теоретиками роли и особенностей распространения информации, показал, что ожидаемого единства мнений в толковании и информации, и информационного общества нет. Предметом анализа Уэбстера стали теории, наиболее значимые с точки зрения осмысления роли информации в современном мире. Проведя сопоставление дефиниций информационного общества, он далее последовательно раскрывает теоретические основания каждой концепции отдельно: концепции постиндустриального общества Д. Белла, дискуссии о постфордистском обществе, построенном на управлении информацией, теории информационного капитализма в сетевом обществе М. Кастельса, концепции потребности развитого капитализма в информации и манипулировании ею Г. Шиллера, взглядов Ю. Хабермаса относительно упадка сферы публичного и, соответственно, истинности информации, концепции рефлексивной модернизации Э. Гидденса, трактовок постмодернизма и эпохи постмодернизма Ж. Бодрийера и З. Баумана. Уэбстер замечает, что эти ученые работают в междисциплинарном ключе (на стыке социологии, философии, географии, экономики) и находятся в центре дискуссий исследователей в социальных науках. «Разумеется, здесь нет ничего особенно удивительного, — добавляет Уэбстер, — социальные мыслители для того и существуют, чтобы пытаться понять и объяснить мир, в котором мы живем, а важной чертой этого мира стали изменения в сфере информации. Невозможно представить, чтобы кто-либо попытался описать картину мира, не обратив должного внимания на огромную область изменений, которая касается средств массовой информации, распространения информации, коммуникационных технологий, новых форм занятости и даже образовательных систем» (там же: 8–9).

Уэбстер констатирует «раскол между адептами идеи информационного общества и сторонниками взгляда на информатизацию как на продолжение ранее установленных отношений» (там же: 12). В его классификации теорий информационного общества в первую группу включены концепции теоретиков постиндустриализма (Д. Белл и его последователи), постмодернизма (Ж. Бодрийяр, М. Постер); информационного способа развития (М. Кастельс); гибкой специализации (М. Пайор и Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн). Во вторую группу отнесены концепции теоретиков неомарксизма (Г. Шиллер); гибкой аккумуляции (Д. Харви); регуляционной теории (М. Альетта, А. Липиц); публичной сферы (Ю. Хабермас, Н. Гарнэм); рефлексивной модернизации (Э. Гидденс).

Формируя эти два списка, Уэбстер подчеркивает: «Ни один теоретик из последнего перечня не отрицает, что в современном мире информация играет ключевую роль, но в отличие от ученых из первого списка они полагают, что ее формы и функции подчиняются давно установившимся принципам и практикам» (там же: 12). Это замечание имеет глубокий смысл. В действительности преувеличение информационной характеристики становящегося общества основывается преимущественно на определенной идеологической установке. Можно утверждать, что мы имеем дело не столько с *теориями* информационного общества, сколько с *идеологией* информационного общества (что уже отмечено в критической литературе — Алексеева, 1999).

Идеологизация данного понятия, по всей видимости, — прямое следствие того, что идея информационного общества вырастает в недрах представлений о путях развития экономики (Стоуньер, 1986; Porat, 1977; и др.) и еще более — о перспективах развития военно-промышленного комплекса и (в основном в том же аспекте) научно-технического прогресса. Однако в научных сообществах гуманитарного склада новый термин дал возможность сосредоточиться на противоположном полюсе человеческого творчества: в последние десятилетия концептуализация общества будущего все в большей мере строится на приоритете социокультурных свойств информационного общества, что расширяет социально-философский смысл этого понятия. Такой аспект рассмотрен западными философами (Ю. Хабермасом и Х. Арендт в теориях социальной рефлексии, З. Бауманом в теории индивидуализированного общества и др.).

Повышенное значение социальных сетей и Интернета в жизни человека не могло не стимулировать социально-философское осмысление будущего состояния общественного устройства и положения человека в нем через

идею *сетевого общества*. Как замечает Э. К. Погорский, «теория сетевого общества была быстро и прочно усвоена в научном дискурсе в силу того, что в условиях качественного скачка в области информационных технологий сетевые структуры, во-первых, стали очевидными, во-вторых, приобрели автономность от структур власти, которые уже не могут держать сети под контролем» (Погорский, 2012а: 305). М. Кастельс, определивший современное общество как сетевое (Castells, 1996), «не открыл нового явления, но концептуализировал ожидания того, что вслед за распространением и усилением роли информационно-коммуникационных технологий в обществе произойдут колоссальные социальные изменения, которые станут возможны вследствие разрушения иерархических структур» (Погорский, 2012а: 305).

В условиях сетевого принципа социальных взаимодействий, характерного для информационного общества, поведение человека становится более оторванным от традиций и зависящим от текущей ситуации. Если рассматривать традицию как границу, воздвигнутую прошлым вокруг настоящего, то для того чтобы проникнуть в будущее, человек должен преодолеть ее. И такое преодоление на пути к информационному обществу невозможно без развития институтов гражданского общества с его децентрализацией, плюрализмом мнений и значительной силой общественных движений.

Принцип организации сетевых взаимодействий в социуме хорошо виден на примере сети Интернет. В рамках отрицания теоретических основ структурного функционализма и утверждения социальных теорий без центрального звена, без междисциплинарных границ и без ограничений на методологический коллаж, характерных для информационного общества, раскрытие дилеммы «личность — общество» позитивистов начального этапа становления теоретической социологии О. Конта и Г. Спенсера отодвигается в будущее. Из этого следует, что сетевые социальные взаимодействия становятся важнее иерархических взаимодействий, поскольку обеспечивают автономность личности и социальных общностей.

Важно отметить, что иерархия сохраняется и в социальных сетях, но она существует в горизонтальной плоскости и характеризуется тем, какое положение занимает в структуре сети, количеством социальных контактов. Распространение Интернета и сайтов социальных сетей открыло новые горизонты для изучения социальной организации. Все более становится очевидным, что в социальных отношениях происходит стихийный и при этом нарастающий по своим масштабам переход от жесткой иерархии к более гибкой сетевой модели отношений. Этот процесс прежде всего затрагивает сферу повседневных отношений, примеры чему можно найти в сервисах

коллективных покупок, выстраивании дружеских связей на сайтах социальных сетей, но также и на более существенных для регуляции общественной жизни уровнях — в организации сбора подписей под различными петициями, размещаемыми в Интернете, обсуждении законопроектов, организации уличных процессов и процессов принятия решений и т. д.

Как пишет Э. К. Погорский, «иерархия не исчезает, поскольку порождена биологическими системами, к которым принадлежит человек. <...> Однако и ранее имевшее место сосуществование и конкуренция иерархии и сетей в информационном обществе меняет свой вектор, становясь направленным не от иерархии к сетям, а от сетей к иерархии» (Погорский, 2012b: 12). Но из этого не следует, что этим расширяется свобода выбора как общественное благо. Сетевое общество может олицетворять зависимость, поскольку иерархичные структуры управляемы и зависимы от центра. По мере распространения Интернета и возможности контроля действий внутри сетей эйфория свободного перетекания информации и неконтролируемой коммуникации проходит. Более того, становится фактом, что сети уверенно контролируют человека с разных сторон, захватывая его на горизонтальном уровне, в отличие от иерархии, которая контролирует людей лишь на вертикальном уровне.

Какие бы направления ни определяли концептуализацию современного общества, экономическо-политическая доминанта здесь присутствует. Это касается и теорий, сформировавшихся вокруг идеи информационного общества, хотя информация не обязательно должна связываться со сферами экономики и политики. Даже там, где культурному фактору придается особое значение, он главным образом отмечается как более чем когда-либо значимым, но из этого не следует, что он в смысле субъектной культурологии (Луков, 2008) и есть системообразующий в том обществе, которое уже заявило о себе и станет фактором жизнеспособности (или препятствием этой жизнеспособности) людей в будущем.

Ряд концепций современного общества отказывается от ориентации на всеобщность конструируемого мира и придерживается более конкретного взгляда на сформировавшие общество исторические события. Такие концепции можно характеризовать как региональные. Наибольшее признание среди них получила концепция «общества травмы», идущая от обобщений немецкого философа Ю. Хабермаса о европейском обществе XX в., в ином смысле — от рассуждений польского социолога П. Штомпки и получившая новый вид в работах известного российского социолога Ж. Т. Тощенко. Он применяет понятие общества травмы к особому состоянию общественных

процессов, выраженному в неопределенности, перекосе развития неустойчивых обществ и государств (Тощенко, 2018). Это более точное определение того, что несут в себе общественные изменения, которые нельзя сегодня относить ни к прогрессу, ни к регрессу, как их понимали в эпоху Просвещения.

ПРИЗНАКИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Трактовки современного общества не могут не учитывать новые явления, которые справедливо назвать признаками общественных изменений. В различных концепциях общества будущего преимущественное внимание уделяется экономическим факторам. Некоторые в центр концептуализации ставят также такие факторы современной жизни, как:

- глобализация;
- национализм;
- религиозное возрождение;
- процессы в культуре.

Их, конечно, надо поставить в контекст происходящих *переделов мира*, к числу которых можно отнести:

- экономический передел мира;
- политический передел мира;
- экологический передел мира;
- разный доступ к информации;
- смена языков общения;
- смена культурных столиц;
- смена центров духовности.

Из этого следуют и трактовки *национальной безопасности*, которые сегодня в основном понимаются как:

- военная безопасность;
- информационная безопасность;
- биологическая безопасность;
- культурная безопасность;
- безопасность для новых поколений.

При этом если военная безопасность понимается конкретно, из чего следуют конкретные действия, то культурная безопасность, безопасность для новых поколений скорее обозначаются, но достаточно неопределенно. Культурная безопасность главным образом означает сохранение культурного достояния и традиционных ценностей, хотя в области экологии культуры имеются и более ясные подходы. В связи с безопасностью для новых поко-

лений отметим некоторое продвижение вперед в части воспитания, поскольку еще недавно само это слово было неприемлемым, но воспитание больше похоже на тракторы XVIII в. В частности, оно не учитывает, что человек как носитель свойств современного общества уже изменился, а в этом своем качестве и в плане *перспектив человека*, человека будущего он не связывается с национальной безопасностью.

Но именно перспективы человека следует связывать с *перспективами общества*, с тем, что в нем рассматривать как реальное и виртуальное, к чему относить управление впечатлениями, как и в каких мерах понимать интернет-сообщество и т. д. Здесь центральным оказывается субъектность человека, т. е. его способность строить соответствующую ему картину мира, которая позволяет ориентироваться в этом мире и считать его самым правильным, дающим стимул для развития, выступающим как образец для других или как всеобщее зло, но неизбежное, с чем надо смириться либо, напротив, против чего надо бороться всеми доступными средствами. Свойственное тезаурусному подходу разделение на «свое», «чужое», «чуждое» при определении современного общества становится основным, а уже отсюда проистекают свойства такого общества, которым можно присвоить название «информационное», «посткапиталистическое» и др.

Восприятие / невосприятие определенных позиций и социокультурных практик в масштабах целых народов, стран, регионов, на поверхности имеющее обозначение правильности или «дури», свидетельствует о принятых в обществе концептах повседневности. Эти концепты повседневности отличают основную ориентацию, которую можно представить как соотношение коллективизма / индивидуализма. От ориентации на коллективизм идет признание соборности, неприятие богатства одних на фоне бедности других, нежелание личной свободы любой ценой, подчинение более сильным. От ориентации на индивидуализм идет признание высшей ценности человеческой жизни, прав человека, личной свободы при любых внешних условиях.

Ориентация на коллективизм / индивидуализм выступает как ядро культурной картины мира, которая воспроизводится в новых поколениях разных народов и составляет наиболее принятые в них тезаурусы. Следовательно, роль *воспитания* состоит в том, что это естественная (природная) технология, т. е. ансамбль методов передачи тезаурусов. Технология предполагает *желаемый результат*. Возникает вопрос — кем желаемый? Если встать на путь повседневной ориентации, то ответ ясен: тем, кто стремится передать свой тезаурус (свою картину мира) близкому человеку или тому, кто в силу воспитывающего воздействия может стать таким близким чело-

веком. Таким образом, это *сознательная* деятельность по отбору того, что даст желаемый результат. В исторической динамике движение по оси «коллективизм — индивидуализм — коллективизм» определяет переход к различным моделям организации общества и в конечном счете — к современному обществу, которое не представляет мономодели и состоит из разных, порой противоположных сегментов.

Существенным представляется увеличение внимания к подрастающему поколению в трактовках современного общества, что связано с распространенным и практически нормативным для развитых стран представлением о молодежи как двигателе этого общества.

Традиционное общество ориентировалось в человеческом измерении на мудреца, человека, старшего по возрасту, что сохранилось в некоторых культурах. Для индустриального общества проблема молодежи не стояла. Лишь в марксизме она проявлялась, но само общество не характеризовалось как индустриальное, действовала модель общественно-экономических формаций, а современное общество понималось как капиталистическое общество, движущие силы которого определялись характером классовой борьбы. Поколенческий аспект заметен именно применительно к концепциям современного общества, чему способствуют как реальные феномены, так и теории будущего.

КИДАЛТЫ

Из реальных феноменов особо показательны в аспекте тезаурусной концепции современного общества *кидалты* — взрослые, идентифицирующие себя с подростками. Обычная для традиционного общества идентификация предстает как бы в перевернутом виде.

Понятие «кидалт» в американской литературе возникает в 1980-е годы (первое упоминание — в *The New York Times*, в 1985 г., использовано для описания мужчин 30 лет и старше, которые увлекаются мультипликацией, компьютерными играми, фэнтези, а также красивыми и дорогими гаджетами, часто не имеющими практической значимости) и является сращением английского слова “kid”, т. е. «ребенок», и английского “adult” — взрослый. Этим сращением подчеркивается, что определенная группа взрослых не хочет взростеть и сохраняет свои детские и подростковые ориентации, увлечения. Надо отметить, что в психологии такой тип взрослого отмечается уже у К. Юнга (архетип *puer aeternus*, т. е. «вечный мальчик»), позже в психологии возникают другие обозначения для данного феномена, например, «синдром Питера Пэна» как формы эскапизма преимущественно холостых офисных

работников. В Европе феномен кидалтов был замечен раньше, чем в США. Во французском их и сегодня называют *adulescence*, в итальянском *adultescents* и т. д., что отражает (по тому же принципу сложения слов) ситуацию, когда взрослые обоюбого пола в одной или нескольких областях своей жизни ведут себя как подростки. Еще в середине 1970-х годов христианский священник и психоаналитик Тони Анатрелла придумал, по его собственной оценке, этот неологизм для обозначения феномена, получившего распространение в 1960-е годы: взрослые по принятым в обществе представлениям люди считают себя подростками и ведут себя в соответствии с этой идентификацией. Название его книги «Бесконечные взрослеющие» в главных чертах представило кидалтов как социальное явление (Anatrella, 1988). К этой теме не раз возвращались впоследствии (Giral, 2002; Anatrella, 2003; Oudghiri, 2017).

Черты кидалтов обнаруживаются у ряда известных деятелей шоу-бизнеса, политиков и т. д. Среди них, например, — американский «король поп-музыки» Майкл Джексон (1958–2009), который заявлял, что не хочет расти. Ему принадлежала коллекция видеоигр, игрушечных автомобилей и фэнтезийных и научно-фантастических памятных вещей; обвинения его в растлении малолетних, если учесть эти обстоятельства, надуманы и связаны с задачей выкачать из состоятельного певца и танцора, медийной личности как можно больше денег, в то время как ему приходилось бороться с застенчивостью (Campbell, 1994). В литературе в качестве кидалтов называются также певица Селин Дион, политик Джордж Буш — младший, российские медиа-лица Сергей Шнуров (Шнур), Антон Носик и др. Есть свидетельства, что это не такая уж узкая группа. Например, в 2006 г. утерявший полностью популярность российский телеканал «2×2» сменил владельца и заполнил все свое эфирное время мультфильмами для взрослых. Вскоре он по рейтингам обошел популярные телеканалы MTV и Муз-ТВ. В интервью 2007 г. генеральный директор телеканала «2×2» Н. Вашко (по самооценке также кидалт) подчеркивала, что этот канал позиционируется как канал для кидалтов (Синдром Карлсона, 2007: Электронный ресурс). Важным свидетельством иногда считается то, что значительная часть кидалтов живет в родительской семье, перекладывая на родителей принятие решений по всем основным вопросам. Но вряд ли следует считать это признаком задержки социального созревания, поскольку данные статистики дают очень разную картину. Так, в европейских странах доля 25–34-летних, проживающих с родителями, составляет от 1,8% в Дании до 56,6% в Словакии (для сравнения: в США эта доля составляет 13,9%). Здесь скорее действуют социокультурные факторы,

а частью характер решения жилищного вопроса (Смотрите, в каких ... , 2015: Электронный ресурс).

Есть другое понимание кидалтов: это родители, которые с удовольствием проводят время со своими детьми, но на ответственное поведение по отношению к своим родительским обязанностям не готовы и не хотят их исполнять. В качестве примера приводится фильм «Миссис Даутфайр» (англ. *Mrs. Doubtfire*; 1993 г., реж. К. Коламбус, где Р. Уильямс как раз исполняет такого рода роль. Индустрия развлечений выявила потребность в сползании определенной части общества в детскость, начала особенно в начале XXI в. производить вещи с маркировкой «детское», продаваемых и для детей, и для взрослых (сам неологизм нередко связывается именно с рекламными кругами). Собственно, в моделях железных дорог с вагонами, отличающихся от настоящих только меньшими масштабами, производимых немецкой фирмой «Фляйшманн» (Gebr. Fleischmann GmbH) с 1938 г., эта тенденция уже заметна, как заметна она в куклах Барби и др. Характерно, что в Южной Корее в 2015 г. использовалось модное слово “kideolteu”, в котором подчеркивалась тенденция роста продаж игрушек (таких как дроны и «электрические колеса») для детей и взрослых.

НОВЫЕ ПОКОЛЕНИЯ

Человек в обществе будущего не может оставаться таким же, каким был в первобытном обществе, в Средние века, в период первоначального накопления и т. д. Эта ясная позиция вполне очевидна, когда говорят о человеке как части общества — его стадном состоянии, разделении на богатых «бездельников» и нищих тружеников физического труда (очень хорошо эта разница показана у Л. Н. Толстого в его публицистике, особенно в его трактате 1884–1886 гг. «Так что же нам делать?»), его нравственности, воспитании и т. д. Но стремление человека выйти за свои биологические пределы, изменить не только свое представление о мире, свою культурную картину мира (Кузнецова, 2012; Луков В., Луков Вл., 2013), но и свою природу, т. е. стать чем-то бóльшим, чем ему этой природой уготовано, более совершенным, более умным, более быстрым в своих движениях, более здоровым, наконец, способным к большому долгожительству, к бессмертию, — было и есть дискуссионно, но из сферы фантастики все более переходящему в сферу реальных биомедицинских технологий.

В тезаурусном аспекте это более всего касается подрастающего поколения XXI в., о биосоциальных изменениях в котором свидетельствует многое. Некоторые изменения лежат на поверхности. Так, существенные изме-

нения произошли в области мелкой моторики, которая раньше формировалась в основном в физическом труде и в писании перьевой ручкой, авторучкой, шариковой и гелевой ручками, а сейчас повсеместно вытесняется работой со смартфонами и другими гаджетами, которые строятся на совсем другом принципе использования пальцев рук: надо удерживать одной рукой аппарат и ею же набирать текст. Для наборных функций гораздо важнее большой палец ведущей руки (правой или левой), и он в подрастающем поколении подготовлен к быстрому набору текстов, чего не было у поколений, не знавших новые информационные технологии.

Такие изменения затрагивают весь биологический организм и в определенной мере формируют новую организацию индивидуальных и групповых контактов, их потому надо считать биосоциальными. К этому вопросу все больше внимания, особенно в контексте безопасности. Так, в рамках киберпсихологии на основе аналитических обзоров зарубежных и отечественных работ и серии авторских эмпирических исследований детей и подростков, их родителей и учителей, проведенных в 2009–2016 гг., Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова и Т. А. Нестик в книге «Цифровое поколение России: компетентность и безопасность» показывают особенности новой социальной ситуации развития и цифровой социализации, проблемы онлайн-безопасности и возможности совладания подростков с онлайн-рисками, связь особенностей пользовательской активности детей и подростков с различными стратегиями родительской медиации и цифровой компетентностью как детей, так и взрослых (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017).

Но перспективы здесь не вполне неясны, и поэтому метафоры более чем в ходу. А с ними в научную сферу проникают гипотезы, почти невероятные. Одна из наиболее известных — о появлении целого поколения детей-индиго.

О детях-индиго мировое научное сообщество узнало из книги 1982 г. экстрасенса и парапсихолога Нэнси Энн Тэпп (1931–2012), обозначившей так детей якобы обладающих аурой цвета индиго (Тарре, 2009). Такой эффект был ею замечен еще в 1970-е годы в связи с тем, что она вместе со своими студентами (а у нее была большая клиентура по всей территории США и в Швейцарии) занялась изучением цвета в приложении к человеческой личности, исходя из того, что осознание своего цвета и цвета других поможет человеку лучше ориентироваться в окружающей среде и строить свои контакты. Тэпп посвятила свою жизнь и карьеру изучению цвета, сознания, осознания и их приложений к человеческой личности. Концепция детей-индиго приобрела большой интерес после публикации серии книг в конце

1990-х годов (особенно после выхода книги супругов Ли Кэрролла и Джен Тоубер «Дети-индиго: новые дети прибыли» — Carroll, Tober, 1999) и выпуску нескольких фильмов в следующем десятилетии. Детям-индиго приписывают множество различных свойств: они являются чуткими, любопытными и волевыми; часто воспринимаются друзьями и семьей как странные; обладают ясным чувством самоопределения и цели; демонстрируют сильную врожденную подсознательную духовность с раннего детства (которая, однако, не обязательно подразумевает прямой интерес к духовным или религиозным областям); имеют сильное чувство права или заслуживают того, чтобы быть здесь. А главное — они характеризуются высоким коэффициентом интеллекта; развитой интуицией; устойчивостью к жестким, основанным на контроле парадигмам власти. Утверждается также, что дети-индиго якобы являются новой расой людей. По словам Дж. Тоубер и Л. Кэрролла, дети-индиго могут плохо учиться в обычных школах из-за отказа слушаться, будучи зачастую умнее и более зрелыми духовно, чем их учителя, и признавать дисциплину, основанную на вине, страхе или манипуляции. Высказано также предположение, что социальное проектирование детей-индиго является ответом на кризис американского детства в виде усиления насилия среди молодежи и диагнозов расстройства дефицита внимания и гиперактивностью (СДВГ): родители начинают считать своих детей «индиго», чтобы дать альтернативное объяснение неправильному поведению своих детей (Whedon, 2009). В этом критическом духе вполне понятна настороженность к данному термину. Более того, на фестивале идей Кембриджского университета (Festival of Ideas) в 2014 г. молодой и перспективный антрополог Бет Синглер показала, что термин «дети-индиго» обозначил новое религиозное движение, наряду с джедизмом. По ее мнению, это выражение более широких моральных паник вокруг детей, воспитания детей, диагностики таких состояний, как СДВГ и аутизм, а также теории заговора Большой Фармы (т. е. о медицинских учреждениях вообще и фармацевтических компаниях в частности, которые действуют в зловещих целях и против общественного блага) и вакцинациях (Singler, 2015, 2017).

Обстоятельство относительно детей-индиго не доказано и может быть принято за чистый вымысел. Но в тезаурусном аспекте для восприятия современного общества как принципиально нового оно действует в духе теоремы Томаса, которую Р. Мертон определил в словах: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям». В субъектном выражении это вполне достаточное основание, чтобы в новом поколении видеть зарождение чего-то неизведанного и этим определять об-

щество, в котором оно живет. Надо сказать, что такие определения современного общества как информационное, или «общество знаний», или «общество риска» и т. д. строятся именно на представлении о чем-то новом, чего никогда не было, но в действительности такие названия скорее свидетельствуют о плохом знании истории тех, кто выдвинул соответствующие маркеры современности. В тезаурусном же аспекте эти названия вполне приемлемы для большинства, поскольку позволяют отличить, хотя бы и базируясь на ошибке, «свое» общество от «чужого».

Определяя специфику современного общества, мы должны учитывать, что в молодежной среде в наибольшей мере накапливается готовность к экспериментам в области телесности, а также развития интеллектуальных и психических сверхспособностей. По мере реализации этой готовности в действиях (смена пола, вживление чипов в тело и т. п.), которые охватывают критическую массу молодежи, возникнут условия для существенной трансформации картин мира и в целом знаниевых систем ориентации в окружающей действительности (тезаурусов). Индивидуальные эксперименты, затрагивающие природу человека как биосоциального существа, открывают дорогу к изменениям человеческих общностей и новым направлениям социального конструирования реальности как ментальной деятельности, особенно тесно связанной с инновационным потенциалом молодежи. Это все и должно отразиться в маркере современного общества, которое в данной концепции звучит как «молодеющее общество».

МОЛОДЕЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО

Современное общество с учетом целого ряда явлений, проходящих в области субъектности людей разных стран и континентов мы называем «молодеющим», учитывая и новые технологии сближения индивидов, социальных, культурных, религиозных групп, народов, и ориентацию на молодежь в моде, рекламе, индустрии (о чем более всего свидетельствуют кидалты), и утрату ориентирующей роли половых различий в формирующейся в наиболее развитых странах социокультурных, а частью уже и юридических норм, и возникающие изменения в природе человека, которые происходят именно в новых поколениях. Но такое определение не следует считать исполненным безудержным оптимизмом. Более того, с особым вниманием надо отнестись к тому, что на фоне иной картины мира с цифровой экономикой, «умным» бытом и т. д. получают развитие естественные свойства молодежи, которые мы обозначаем как «дикость» и «инновационность».

О чем идет речь?

В молодежи еще может быть обнаружена та сторона человеческой природы, которая не подверглась обработке культурой. Дети в этом отношении не составляют такую группу, поскольку выступают преимущественно как объект социализации, не обладают достаточной для самостоятельных действий свободой выбора. Молодежь подверглась социализационному воздействию, социализационные коды первого уровня усвоены, но они еще не стали броней от внешних влияний, еще не зацементировались, подвижны, вариативны.

Применительно к молодежи важно отметить, что присущие ее среде тезаурусы, во-первых, не устоялись и, во-вторых, они валентны, т. е. обладают способностью к быстрому установлению связей с другими тезаурусами, восприимчивы к тому, что эти связи несут с собой. Существенно и то, что молодежь уже вырвалась из-под жесткого контроля старших, так что валентность их тезаурусов в значительной мере замкнута на сообщество ровесников (peer-group, по терминологии Т. Парсонса).

Специфика освоения молодежью жизненного пространства состоит в сочетании «дикости» (это обозначение природных свойств молодежи можно найти еще в первой по времени появления теории молодежи Г. С. Холла) и «инновационности», присущих молодежи. Такое сочетание продуктивно для развития общества как целого на этапе становления информационного общества, что заставляет более пристально присмотреться к стилям жизни, социальным и культурным практикам, укрепляющимся в молодежной среде.

«Дикость» можно трактовать как естественное воспроизводство природных свойств человека, не подвергшихся обработки культурой. В молодежной среде «дикость» реализуется в социальных практиках, связанных с:

- культом тела и экспериментированием с телом;
- образованием банд как форм «коллективного прорыва»;
- иерархией по схеме вождизма: действием символической власти / подчинения;
- агрессивностью как способом энергетической компенсации недостающих для взаимодействия ресурсов.

«Инновационность» как способность создавать новое (в широком смысле слова, включая и новую картину мира) вытекает из естественного положения молодежи в окружающем ее мире, а именно из того, что для нее нет возможности опереться на собственный жизненный опыт, которого еще недостаточно, и на коллективный опыт народа (культуру), который еще не освоен. Для молодежи в известном смысле все ново, все мотивирует к инно-

вазии. «Инновационность» в молодежной среде соотносится с такими свойствами, как:

- ум;
- свобода от условностей;
- креативность;
- жажда сильных ощущений и интерес к приключениям (экстрим);
- приоритет сетевых отношений над иерархическими.

«Дикость» означает генетическую связь с биологическим родом, с природным и социокультурным прошлым. «Инновационность» несет в себе энергетический выброс в будущее, содержит потенцию освобождения от рода. «Дикость» + «инновационность» выступают как ведущие элементы при построении структуры молодеющего общества. При этом для анализа будущего молодежи в будущем обществе немаловажны не только эти два элемента, но и тот «плюс», который их связывает. Здесь есть эффект эмерджентности: «дикость + инновационность» молодежи получают дополнительные импульсы для сращивания в единый ориентационный комплекс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В концепции современного общества невозможно оставаться на англо-американской модели, которая сложилась вокруг процессов в экономике и отражает поступательные изменения в науке и технике, прежде всего в информатике, электронике, создании и использовании новых материалов, нанотехнологиях, биомедицинских технологиях и т. д. Культуроориентированная модель более приемлема, но она не может быть единообразной, даже с учетом процессов глобализации, захвативших и культуру. Тезаурусный подход, опирающийся на социальную и культурную субъектность, позволяет увидеть в разнообразии культурных кодов единство общества. Мы назвали его «молодеющим» вкладывая такие характеристики:

- новые перспективы становления: образовательная революция;
- новые перспективы равноправия: неравенство или социальная стабильность;
- новые перспективы идеологии: плюрализм или ведущая идея;
- новые риски и вызовы.

Как видно, здесь нет ни окончательного ответа, ни оптимизма в духе Д. Белла. «Молодеющее» — т. е. неопределившееся, идущее на эксперименты с непонятным финалом, нуждающееся в гуманитарной экспертизе как дискурсе о будущем, где нет заранее правых и неправых, где государственная политика в отношении детей, государственная молодежная политика,

стратегия воспитания заранее не определены, но тесно связаны с перспективами общества, теми картинами мира и человека в нем, которые получают все большее признание, не будучи бесповоротными и неоспоримыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, И. Ю. (1999) Возникновение идеологии информационного общества [Электронный ресурс] // Информационное общество. Вып. 1. С. 30–35. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/99a40acf200e2915c32568b1002fcb16> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 24.01.2018).

Белл, Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования : пер. с англ. М. : Academia. CLXX, 783, [3] с.

Бокль, Г. Т. (2000) История цивилизаций. История цивилизации в Англии : в 2 т. М. : Мысль. Т. 1. 462 с.

Концепция формирования информационного общества в России. (1999) Одобрена решением Государственной комиссии по информатизации при Государственном комитете Российской Федерации по связи и информатизации от 28 мая 1999 г. № 32 [Электронный ресурс] // Институт развития информационного общества. URL: <http://iis.ru/library/riss/> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 24.01.2018).

Кузнецова, Т. Ф. (2012) Культурная картина мира: теоретические проблемы : науч. монография. М. : ГИТР. 250 с.

Луков, В. А. (2001) История социологии в конспективном изложении : учеб. пособие. М. : Социум. Ч. I. 160 с.

Луков, В. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. Ин-та бизнеса. 640 с.

Луков, Вл. А. (2008) Культурология объектная и субъектная // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 72–79.

Погорский, Э. К. (2012а) Человек в сетевом пространстве // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 304–309.

Погорский, Э. К. (2012б) Инновационность молодежи как источник социокультурных изменений на этапе становления информационного общества : автореферат дис. ... канд. филос. их наук. М. 26 с.

Синдром Карлсона (2007) [Электронный ресурс] // Time Out. 10 сентября. URL: <http://timeout.ru/msk/feature/1627> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 28.01.2018).

Смотрите, в каких странах Европы взрослые дети чаще живут с родителями (2015) [Электронный ресурс] // Delfi. 21 июля. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/smotrite-v-kakih-stranah-evropy-vzroslye-deti-chasche-zhivut-s-roditelyami?id=71953131> [архивировано в [WaybackMachine](#)] (дата обращения: 28.01.2018).

Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И., Нестик, Т. А. (2017) Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл. 375 с.

Стоуньер, Т. (1986) Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе / сост. и вступ. ст. П. С. Гуревича. М. : Прогресс. 451 с. С. 392–409.

Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года. (2010) Утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 09.08.2010 г. № 1174 [Электронный ресурс] // e-Gov.by. URL: <http://e-gov.by/programma-elektronnaya-belarus/strategiya-razvitiya-informacionnogo-obshhestva-v-respublike-belarus-na-period-do-2015-goda> [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 24.01.2018).

Толстой, Л. Н. (1964) Прогресс и определение образования (Ответ г-ну Маркову. «Русский вестник», 1862 г., № 5) // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худож. лит-ра. Т. 16: Публицистические произведения 1855–1909 гг. 679 с. С. 51–83.

Тощенко, Ж. (2018) Общества травмы [Электронный ресурс] // Независимая газета. 23 января. URL: http://ng.ru/stsenarii/2018-01-23/9_7156_society.html [архивировано в [WaybackMachine](http://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 24.01.2018).

Уэбстер, Ф. (2004) Теории информационного общества : пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной ; под. ред. Е. Л. Вартановой. М. : Аспект Пресс. 400 с.

Anatrella, T. (1988) Interminables adolescences: Les 12-30 ans, puberté, adolescence, postadolescence : une société adolescentique. Paris : Éditions du Cerf ; Éditions Cujas. 222 p.

Anatrella, T. (2003) Les «adulescents» // Études. T. 399. No. 7. P. 37–47.

Bell, D. (1973) The coming of post-industrial society : A venture in social forecasting. N. Y. : Basic Books. xiii, 507 p.

Campbell, L. D. (1994) Michael Jackson: The king of pop's darkest hour. Boston : Branden Pub. Co. 253 p.

Carroll, L., Tober, J. (1999) The indigo children: The new kids have arrived. Carlsbad, CA : Hay House. xviii, 249 p.

Castells, M. (1996) The information age: Economy, society and culture. Cambridge, MA ; Oxford, UK : Blackwell. Vol. I: The rise of the network society. xvii, 556 p.

Castells, M. (1998) La société en réseaux. Paris : Fayard. T. 1: L'ère de l'information. 609 p.

Giral, M. (2002) Les adulescents: Enquête sur les nouveaux comportements de la génération Casimir. Paris : Le Pré aux Clercs éditions. 278 p.

Karvalics, L. Z. (2008) Information Society — what is it exactly? (The meaning, history and conceptual framework of an expression) // Information society: From theory to political practice : Coursebook / ed. and introd. by R. Pintér. Budapest : Gondolat — Új Mandátum. 245 p. P. 29–46.

- Masuda, Y. (1981) *The information society as post-industrial society*. Washington, DC : World Future Society. xiv, 171 p.
- Mattelart, M., Mattelart, A. (1991) *Penser les médias*. Paris : La Découverte. 263 p.
- Oudghiri, R. (2017) *Ces adultes qui ne grandiront jamais: Petite sociologie des grands enfants*. Paris : Arkhê editions. 178 p.
- Pintér, R. (2008) *Towards getting to know information society // Information society: From theory to political practice : Coursebook / ed. and introd. by R. Pintér*. Budapest : Gondolat — Új Mandátum. 245 p. P. 11–28.
- Porat, M. U. (1977) *The information economy: Definition and measurement*. Washington, DC : United States Department of Commerce. xvi, 250 p.
- Singler, B. (2015) *Big Bad Pharma: The Indigo Child concept and biomedical conspiracy theories // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. Vol. 19. No. 2. P. 17–29. DOI: [10.1525/nr.2015.19.2.17](https://doi.org/10.1525/nr.2015.19.2.17)
- Singler, B. (2017) *The indigo children: New Age experimentation with self and science*. L. : Taylor and Francis. 224 p.
- Société post-industrielle [Электронный ресурс] // Wikipédia: L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Société_post-industrielle [архивировано в [WaybackMachine](https://www.waybackmachine.org/)] (дата обращения: 24.01.2018).
- Tappe, N. A. (2009) *Understanding your life through color: Concepts in color and the aura*. Addison, TX : Aquila Libris Publishing Company. xix, 281 p.
- Touraine, A. (1969) *La société post-industrielle: Naissance d'une société*. Paris : Denoël ; Gonthier. 315 p.
- Touraine, A. (1971) *The post-industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society*. N. Y. : Random House. 244 p.
- Umesao, T. (2003) *An ecological view of history: Japanese civilization in the world context / ed. by H. Befu ; transl. by B. Cary*. Melbourne : Trans Pacific Press. xviii, 208 p. (Japanese Society Series).
- Webster, F. (1995) *Theories of the information society*. L. ; N. Y. : Routledge. vi, 257 p.
- Whedon, S. W. (2009) *The wisdom of indigo children: An emphatic re-statement of the value of American children // Nova Religio*. Vol. 12. No. 3. P. 60–76. DOI: [10.1525/nr.2009.12.3.60](https://doi.org/10.1525/nr.2009.12.3.60)

Дата поступления: 19.02.2018 г.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395,

Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valery Andreevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Center for Social Design and Thesaurus Conceptions, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member, International Academy of Science (IAS, Innsbruck, Austria). Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru

Для цитирования:

Луков В. А. Молодеющее общество: эскиз тезаурусной концепции [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 1. С. 3–26. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/699> (дата обращения: дд.мм.гггг). DOI: 10.17805/ggz.2018.1.1